

Э.И.Колчинский

РЫЦАРЬ НАУКИ
(интервью с В.С. Кирпичниковым)

14 ноября 1991 г. ушел из жизни выдающийся ученый и гражданин Валентин Сергеевич Кирпичников. Более полувека его труды в области генетики и селекции составляли славу отечественной науки и получили международное признание. Он был почетным членом Международной ассоциации генетиков аквакультуры. Но признание со стороны властей пришло к Валентину Сергеевичу только в конце его жизни. В 1990 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда за выдающийся вклад в сохранение и развитие генетики и селекции в нашей стране. За несколько месяцев до смерти Кирпичников был избран действительным членом Академии естественных наук РСФСР. Да и докторскую диссертацию он смог защитить только после окончательного краха лысенковщины в биологии.

И такое временное расхождение между признанием со стороны научной общественности и признанием "власть предержащих" не случайно, ибо вся жизнь Кирпичников была отдана не только поиску научной истины, но и борьбе против всех негативных явлений, которыми столь богата была наша наука в послереволюционный период.

Рыцарем науки назвал Валентина Сергеевича на праздновании его семидесятипятилетнего юбилея в 1983 г. другой антилысенковец с довоенным стажем — Д.В.Лебедев. И это удивительно точная характеристика Кирпичникова. Начиная с 1935 г., т.е. фактически с первых нападков Лысенко на генетику и теорию Дарвина, Кирпичников постоянно был в числе тех немногих, кто, не обращая внимания ни на что, не только продолжал оставаться верным своим научным убеждениям, но и использовал всякий шанс для опровержения антинаучных построений творцов "мичуринской биологии" и "советского творческого дарвинизма".

Воспитанник Московского университета Кирпичников еще на студенческой "скамье" выбрал генетику своей специальностью. Его университетскими учителями были выдающиеся ученые, создатели отечественной генетики Н.К.Кольцов и С.С.Четвериков. Именно в основанном Кольцовым Институте экспериментальной биологии (ИЭБ) выполнены первые работы Кирпичникова по генетике и эволюционной теории. Эти работы были посвящены проблеме "наследования приобретенных признаков", которая в течение многих лет служила предметом ожесточенных дискуссий в биологии, принимавших в нашей стране порою даже политический характер. Кирпичниковым был найден оригинальный выход из этой, ставшей фактически бесплодной идеологической дискуссии. Он предложил гипотезу косвенного отбора, в которой объяснялся селекционный механизм наследственного закрепления признаков, возникавших у организмов под влиянием внешних условий. Гипотеза Кирпичникова сыграла важную роль в выяснении роли приспособительных модификаций в эволюции и тем самым способствовала решению

проблемы "наследования приобретенных признаков" в рамках современной науки. Этим выбивался один из краеугольных камней из построения Лысенко и его приспешников.

В.С.Кирпичников был участником совещания по проблемам генетики и селекции, организованной в 1939 г. редколлекгией журнала "Под знаменем марксизма". Одним из поводов для проведения этого совещания было письмо А.А.Жданову группы ленинградских биологов, обращавших внимание на тяжелое положение в генетике. Выступление Кирпичникова на этом совещании было настолько убедительно и безупречно в фактическом отношении, что весомость его аргументации вынужден был признать и официальный руководитель этой дискуссии М.Б.Митин, прославившийся идеологическими погромами в области биологии.

Непосредственная специальность Кирпичникова — генетика и селекция рыб. На базе генетики и эволюционной теории Кирпичников разработал методы селекции, которые позволили создать новые породы рыб, в том числе и знаменитого "ропшинского карпа", обладающего холодоустойчивостью и высокой продуктивностью. Это дало возможность существенно продвинуть карповодство на север и доказало еще раз громадные практические возможности генетики. Его классический труд "Генетические основы селекции рыб" получил всемирное признание и был переведен на английский, немецкий и японский языки.

Практическая направленность основных исследований Кирпичникова определяла его постоянную заботу о развитии народного хозяйства. Тревога по поводу все увеличивающегося отставания отечественного рыбоводства от зарубежного побуждала его быть всегда в центре всех дискуссий, сотрясавших нашу биологию за все годы существования советской власти. Вместе с Ж.А.Медведевым В.С.Кирпичниковым была напечатана в 1963 г. в журнале "Нева" статья в защиту генетики, которая в условиях открытого покровительства Лысенко со стороны Хрущева прозвучала подобно грому среди ясного неба для всех приверженцев Лысенко и их официальных защитников.

Именно борьба Кирпичникова против лысенковщины была главной темой интервью, которое взяли К.О.Россиянов и Э.И.Колчинский у Кирпичникова в феврале 1989 г. Рассказ Кирпичникова имеет не узконаучный интерес. Из него видно, что даже в условиях жесточайшего тоталитарного режима были люди, которые, несмотря на возможные репрессии, выступали в защиту научной истины. Их пример оставляет веру в возрождение нравственности в отечественной науке.

Важно отметить, что Кирпичников близко к сердцу воспринимал и задачу демократизации общества. Он один из основателей клуба творческой интеллигенции нашего города "Ленинградская трибуна" и Санкт-Петербургского союза ученых.

Вопрос. Ваше обучение в Московском университете совпало с переходом на бригадный метод сдачи экзаменов и с началом массовой подготовки научных сотрудников для вновь создаваемых научно-исследовательских институтов по биологии. В этих условиях были резко снижены требования к студентам. Основное внимание уделялось социальному происхождению выпускника вуза, но не его знаниям. Такое снижение требований к подготовке студентов сказалось резко отрицательно на науке. В нее хлынула масса малограмотных людей, многие из которых вскоре и составили поддержку Лысенко. Как все эти события сказались на Вашем обучении и на начале научной деятельности?

Ответ. Я дважды пытался поступить на биологический факультет Московского университета. После второй неудачной попытки, что было обусловлено анкетными данными, я, с молчаливого согласия профессоров и студентов, вместе с двумя другими товарищами (И.Лубенским и В.Ивлевым) стал вольнослушателем. Это был 1929 год, и мы фактически были последними "свободными" студентами — институт вольнослушательства был затем запрещен. Успешно сдав экзамены за первый курс обучения, мы стали добиваться зачисления на второй курс. Я составил письмо, которое подписали около ста студентов, десять профессоров и

доцентов МГУ. С этим ходатайством я отправился к нарком просвещения. Несмотря на уже резко выраженный тоталитаризм системы, к министру тогда было попасть во много раз легче, чем теперь. Попал к нему довольно быстро и я. Правда, нарком меня обругал за составление массовой петиции, однако написал резолюцию о зачислении всех нас на второй курс университета. Так я попал вместе со своими друзьями на биологический факультет МГУ, где и проучился до 1932 года.

Однако обстановка в университете постоянно ухудшалась. Все большую силу приобретал студенческий профком. Мне удалось прослушать блестящий курс лекций по генетике С.С.Четверикова — последний, прочитанный им перед арестом и высылкой из Москвы. В 1929 году экзамен по этому курсу проходил следующим образом: профком собрал все студенческие книжки, отнес Четверикову и объяснил, какому студенту надо ставить отметку о сдаче экзамена, какому — не надо, Четвериков, не экзаменуя никого, должен был этому "приказу" подчиниться. Тогда же была ликвидирована и кафедра экспериментальной зоологии Н.К.Кольцова, которому пришлось уйти из университета. Постепенно сошел на нет и большой зоологический практикум, который блестяще вел один из учеников Н.К.Кольцова — Г.И.Роскин.

Студенческий профком в конце четвертого курса обучения (в 1932 году) составил на всех оканчивающих студентов характеристики. В моей характеристике было записано, что Кирпичников "излишне увлекается академизмом и поэтому по окончании университета должен быть направлен на производство". Не желая с этим мириться, я ушел из университета, не закончив образования. Вначале я устроился на работу в Центральный научный институт рыбного хозяйства (в качестве научно-технического сотрудника), а потом во вновь организованный Институт прудового рыбного хозяйства (ВНИИПРХ). Рекомендовал меня туда Кольцов на должность заведующего лабораторией генетики. Это также весьма характерная черта того времени; можно было, не имея ни степени, ни даже диплома о высшем образовании, заведовать лабораторией.

Как заведующий, я на себе испытал порочность сложившейся системы образования. Во всех студенческих организациях брали верх фанатики, как правило плохо подготовленные, некультурные, но нахально третирующие и преподавателей, и студентов. Массовый выпуск людей, не способных ни к преподаванию, ни к научной работе, пагубно сказывался на работе научно-исследовательских учреждений и вузов. Так, к нам в лабораторию был направлен для прохождения практики студент Ф.Н.Михайлов — из набора партийцев-"тысячников". Он оказался малограмотным, и мы вместе с моей сотрудницей К.А.Головинской вынуждены были почти целиком написать за него диплом. Получив с нашей помощью высшее образование, Михайлов, направленный на работу в нашу же лабораторию, за короткий срок создал в ней такую обстановку, что я вынужден был отказаться от заведования, а позднее — уволиться. Михайлов сразу же был назначен на место руководителя лаборатории вместо меня. Это произошло, если не ошибаюсь, в 1937 году.

К концу 30-х годов блестящая система подготовки генетических кадров, которая была создана в Ленинградском университете замечательным генетиком и педагогом Ю.А.Филипченко, а в Московском университете Н.К.Кольцовым и С.С.Четвериковым, подверглась серьезным испытаниям на прочность и окончательно оказалась ликвидированной после августовской сессии ВАСХНИЛ (в 1948 году).

Вопрос. При каких обстоятельствах Вам пришлось включиться в борьбу с лысенковщиной?

Ответ. С 1932 года я стал работать по совместительству в Институте экспериментальной биологии, вначале без зарплаты. Я приходил ежедневно во второй половине дня в институт, ставил опыты с дрозофилой и с аквариумными рыбами. Кольцов относился ко мне, как и к другим нештатным сотрудникам, очень хорошо, не делая никакого различия между нами и основными, оплачиваемыми работниками института. Позднее я был зачислен в штаты сотрудником так

называемой эволюционной бригады, входившей в состав руководимой Н.П.Дубининым лаборатории генетики. В бригаде я был особенно дружен с А.А.Малиновским, сыном известного революционера и философа, который вошел в историю как оппонент В.И.Ленина под псевдонимом Богданов. Во главе эволюционной бригады стоял талантливый генетик и систематик Д.Д.Ромашов.

С середины 30-х годов обстановка в стране все больше и больше обострялась. Это резко отражалось на биологических науках, в особенности на генетике. Официальные нападки на генетику вызвали мощное движение в ее защиту, в которое включилась и научная молодежь. Мы с А.А.Малиновским старались как-то помочь сохранить в нашей стране генетику, подвергавшуюся ожесточенным, но совершенно необоснованным нападкам со стороны Т.Д.Лысенко и его сторонников. После сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в декабре 1936 года, когда впервые разгорелась открытая дискуссия между Н.И.Вавиловым, Н.К.Кольцовым, Г.Меллером и другими генетиками, с одной стороны, и Лысенко и Презентом — с другой, у нас зародилась мысль послать письмо Сталину и попросить его организовать встречу представителей правительства СССР с молодыми генетиками. На этой встрече я и мой товарищ и соавтор письма А.А.Малиновский предполагали рассказать Сталину о значении генетики для народного хозяйства СССР и о недопустимости ее замены антинаучными "теориями" Лысенко. Тогда мы просто не понимали, что происходит в нашей стране, хотя репрессии уже прямо затронули Институт экспериментальной биологии. В 1937 году, в частности, были арестованы сотрудники института В.А.Вендровский, Г.Г.Фризен (оба погибли в лагерях) и Г.Г.Тиняков. Тиняков счастливо отделался, просидев всего четыре месяца в тюрьме; его выпустили после снятия с работы и расстрела Ежова. Он успел, однако, испытать на себе все страшные ежовские способы ведения следствия. Мы наивно считали, что аресты и репрессии — преступления клики Ежова и его помощников, а Сталин здесь ни при чем. Мало кто из нас представлял себе масштабы репрессий и руководящую роль Сталина в их проведении.

К сожалению, письмо наше не сохранилось. В нем мы писали о заслугах генетики, о хромосомной теории наследственности и популяционной генетике и т.д. Но главное заключалось в предложении устроить с молодежью встречу. Для передачи письма я решил воспользоваться своей работой по совместительству в Институте прудового рыбного хозяйства, где еще продолжал числиться консультантом.

Дело в том, что институт Кольцова был очень беден средствами на командировки и для экспедиционных исследований легче было получить деньги через прикладной рыбохозяйственный институт. Народным комиссаром пищевой промышленности, в ведении которого находился ВНИИПРХ, тогда была П.С.Жемчужина — жена председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова. Я был уверен, что ей не составит труда передать письмо Сталину. На прием к ней я пошел очень легко. Пришел, спросил у секретаря, может ли П.С.Жемчужина меня принять, и сразу же был впущен. Это — один из парадоксов 30-х годов, когда демократия практически уже была зарыта в землю, но к наркому можно было попасть без труда. Я представился Жемчужиной и изложил суть своих просьб — денежной и гуманитарной. Обе она тут же удовлетворила: на заявлении написала распоряжение о выделении средств на исследования, правда почему-то через расположенный в Ленинграде Институт озерного и речного рыбного хозяйства (ныне ГосНИОРХ), и согласилась передать письмо Сталину. Через неделю я уехал в Ленинград, став злостным совместителем, так как пришлось работать одновременно в Москве и в Ленинграде. Я был уверен, что письмо попало к Сталину, но позднее я понял, что, к счастью для нас с Малиновским, письмо не дошло до Сталина, в противном случае реакция его, вероятно, была бы однозначна. Жемчужина, видимо, пожалела нас и не стала передавать письмо по назначению.

После 1937 г. для Н.К.Кольцова наступили тяжелые дни. Была организована настоящая травля. Тяжелая обстановка складывалась в ИЭБе. После дискуссии, организованной в 1939 году журналом "Под знаменем марксизма", генетика

фактически была официально осуждена и держалась лишь на энтузиазме отдельных ученых. В нашем институте появились такие "преданные" Лысенко партийный деятели, как Л.Б.Утевская, В.А.Шолохов и другие, усилиями которых собственный институт стал для Кольцова немил. После появления разгромной статьи в газете "Правда", подписанной А.Н.Бахом, Б.А.Келлером, Х.С.Коштоянцем и другими, "Лжеученым не место в Академии наук", Кольцов был снят с поста директора института и заменен Г.К.Хрущевым, который активно поддерживал лысенковщину и осуждал "формальную" генетику.

В те годы борьба за генетику в нашем институте была перенесена в райком партии, где мы с Малиновским всячески старались опровергнуть доносы Утевской и Шолохова: против нас выступали единым фронтом парторганизация и дирекция института. Многие тогда поступали, подобно Г.К.Хрущеву, чтобы обеспечить себе и спокойную научную работу, и продвижение по службе.

На дискуссии в 1939 году я вместе с С.И.Алиханяном, Б.Л.Астауровым и Ю.Я.Керкисом привел немало данных, которые подтверждали законы Менделя. Даже М.Б.Митин, руководивший дискуссией, был вынужден признать, что мы рассказали много интересного о наследовании различных признаков у кур, рыб, тутового шелкопряда и т.д. Однако он предупреждал, что мы окажемся в тупике, если не пересмотрим свои теоретические взгляды.

16 февраля 1940 года в нашей лаборатории появился сам Лысенко. Не обращая внимания на остальных, он подошел прямо ко мне. У нас состоялась беседа, во время которой он хриплым голосом спрашивал: "Как Вы проводили скрещивания? Сколько у Вас там было самцов?" Я ответил, что в каждом скрещивании мы использовали одну самку и двух самцов, как это принято в карповодстве. Тогда Лысенко сказал: "Мне больше ничего не надо. Здесь два самца. Какой же это менделизм!" После разговора со мной он поднялся на второй этаж к Б.Л.Астаурову, но о содержании их беседы я никогда не расспрашивал Бориса Львовича.

Дискуссию 1939 года и последующее посещение Лысенко нашего института я расцениваю как его последние попытки сохранить хотя бы видимость научной дискуссии. Он убедился, что генетики не откажутся от своих научных взглядов, и решил поэтому в дальнейшем расправиться с ними исключительно политическими методами. Отныне в официальной идеологии, казалось, окончательно укоренилась характеристика генетики как идеалистической, буржуазной, даже расистской, враждебной нам науки. Такие обвинения в адрес генетики и генетиков одним из первых стал выставлять на каждом шагу И.И.Презент. На дискуссии 1939 года к ним фактически присоединился и тогдашний официальный глава советской философии М.Б.Митин.

Вопрос. Как лично на Вас отразились репрессии против генетики в конце 30-х годов, и какова была реакция властей на Ваше участие в дискуссиях по генетике?

Ответ. Весной 1940 года, когда я был в экспедиции, пришла телеграмма о моем увольнении "по сокращению штатов". У меня тогда шли опыты, и, имея телеграмму такого содержания, я задержался на пять дней в командировке для завершения исследований. Но, когда я вернулся, было выдвинуто новое обвинение: в опоздании из командировки. Увольнение по этой статье грозило или крупным вычетом из зарплаты, или тюремным заключением. Будучи абсолютно уверен в своей правоте, я отказался взять адвоката и, как это ни странно, выиграл процесс, предъявив телеграмму. Тогда 95% подобных процессов заканчивались осуждением обвиняемых.

Однако на этом я не остановился и решил добиваться восстановления на работе. Зная, что среди чиновников Отделения биологических наук АН СССР я не найду поддержки, так как там засели ярые сторонники Лысенко (прежде всего, ученый секретарь Отделения Р.Л.Дозорцева и другие), письмо я отправил в ЦК ВКП(б). Меня вызвали в Отдел науки, и инструктор Женихова (имя и отчество я не помню), внимательно просмотрев мои документы, сказала, что, по ее мнению, меня следует восстановить на работе. Ровно через три дня меня вызвали

в сектор кадров АН. Там было три инспектора, но Женихова позвонила лишь одному из них и рекомендовала восстановить меня на работе. Двое других не знали об этом звонке из ЦК партии и всячески старались отправить меня на работу на Дальний Восток или в Забайкалье. Инспектор, разговаривавший с Жениховой, говорил, однако, что не надо с этим решением спешить, следует, мол, еще подумать. Зная причину их разногласий, я в душе смеялся над беспринципностью чиновников, не согласовавших свои действия с начальством. В конечном счете меня восстановили, и я проработал в той же должности до начала войны с Германией, но затем вновь был уволен, на сей раз под предлогом борьбы с совместительством. Так завершились мои довоенные попытки как-то повлиять на судьбу генетики и защитить Кольцова. Были и другие мои письма в ЦК; удалось также в 1940 году в соавторстве с М.Л.Бельговским и А.А.Прокофьевой подготовить и напечатать статью в защиту хромосомной теории наследственности.

В те годы обращались в ЦК партии и другие ученые, и среди них — много сил отдавший борьбе за генетику очень талантливый В.П.Эфроимсон. Дважды пришлось ему поплатиться за это и отсидеть положенные сроки в тюрьмах и сталинских лагерях. Писал и Н.П.Дубинин, также в конце 30-х годов активно выступавший против лысенковщины. Но все было тщетно. В середине 1940 года были арестованы Н.И.Вавилов, а вскоре и его коллеги по ВИРу, крупнейшие генетики, цитологи и ботаники: Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, Л.И.Говоров, К.А.Фляксбергер.

В Москве продолжалось преследование Кольцова. Большинство сотрудников бывшего кольцовского института продолжали его поддерживать, но положение Кольцова было крайне тяжелым. Грубые оскорбления, непрекращающаяся травля ускорили его гибель. Будучи в командировке в Ленинграде, Кольцов скоропостижно скончался 2 декабря 1940 года, и через день после этого его жена М.П.Садовникова-Кольцова покончила жизнь самоубийством. Мне пришлось быть в числе тех, кто сопровождал их тела в Москву. Я хочу подчеркнуть, что, хотя я не всегда разделял идеи Кольцова и не был так близок ему, как например Н.Н.Соколов, Г.Г.Тиняков и В.В.Сахаров, я все же считаю себя прямым учеником Кольцова. Это связано не только с прослушиванием его лекций в университете. Сам стиль общения Кольцова со своими сотрудниками — дружелюбный и деловой — делал всех нас его учениками.

Вопрос. Кто из сотрудников института был репрессирован в 30-е годы?

Ответ. В.А.Вендровский, Г.Г.Фризен, Г.Г.Тиняков, Л.В.Ферри. В начале 30-х годов был арестован, но через полгода освобожден П.Ф.Рокицкий. Дважды арестовывали Д.Д.Ромашова, но его выпускали из-за болезни. Однако его жену, Е.И.Балкашину, арестовали как жену "врага народа" и выслали в Усть-Каменогорск, где она и пробыла до конца жизни. Это стало тяжелой потерей для науки, так как Балкашина была прекрасным генетиком-экспериментатором, автором фундаментальных открытий.

Вопрос. На совещании, организованном журналом "Под знаменем марксизма", А.А.Малиновский говорил о практической бесплодности Лысенко в области селекции. Но в материалах этого совещания, опубликованных в журнале, слов Малиновского мы не находим. Не знаете ли Вы, где стенограмма этого совещания?

Ответ. Не знаю. Вообще стенограммы дискуссий 30-х годов найти трудно. Далеко не все участники вели себя там достойно, они безусловно были заинтересованы в сокрытии текстов своих выступлений. Так, мне с трудом удалось найти стенограмму моей последней "проработки" на ученом совете ГосНИОРХ в 1964 году и убедиться, что весьма почтенные люди явно говорили не то, что думали. В 30-е и 40-е годы научные работники нередко вели себя еще хуже. Вспомним августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 года: из шести ученых, выступавших в защиту генетики, трое потом покаялись. Остались непреклонны только И.И.Шмальгаузен, В.С.Немчинов и И.А.Рапопорт. Частично пытался защищать на

сессии генетику еще Б.М.Завадовский, но, как помнится, он до этого сделал немало для поддержки Лысенко.

Вопрос. После позорной статьи в "Правде" в 1939 году, подписанной А.Н.Бахом и компанией, состоялось ее обсуждение в ИЭБе под председательством Н.П.Дубинина. Были ли Вы на этом собрании?

Ответ. Не был, но у меня имеется копия протокола этого собрания, где сотрудники института дружно выступали в защиту Кольцова, критикуя, правда, его за ошибки в области евгеники.

Вопрос. Что произошло с Вашей эволюционной бригадой после Вашего увольнения в 1940 году?

Как некое целостное образование она распалась. Мы работали потом как сотрудники лаборатории генетики. Вставал вопрос о передаче нас в другой институт, но мы отказывались и до начала войны оставались в ИЭБе, преобразованном в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии.

Вопрос. Генетики твердо держались в борьбе с Лысенко в 30-е годы, но принимали ли участие биологи других специальностей в этой борьбе?

Ответ. Вместе с генетиками боролись многие крупные селекционеры, и некоторые из них были репрессированы. Немало сочувствующих находилось и среди биологов других специальностей, но активных борцов было очень немного. Назову двоих: выдающегося физиолога растений профессора МГУ Д.А.Сабинина и крупнейшего нашего гидробиолога Г.Г.Винберга. Винберг был вскоре репрессирован, к счастью ненадолго, а Сабинин после сессии ВАСХНИЛ был уволен с работы и покончил с собой. Активно включился в середине 40-х годов в спор академик И.И.Шмальгаузен, за что после сессии ВАСХНИЛ сам оказался в опале. Были и генетики, выступившие с поддержкой Лысенко, и среди них прежде всего надо назвать отлично все понимавших, но пожертвовавших наукой ради карьеры Н.И.Нуждина и Х.Ф.Кушнера. Вообще биологи других специальностей вступили в борьбу с Лысенко в основном только после войны, когда развернулась дискуссия вокруг проблемы внутривидовой борьбы за существование. Активизации противников Лысенко способствовала позиция, занятая тогдашним заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А.Ждановым, который поверил в генетику и дарвинизм и пытался ликвидировать лысенковскую монополию в биологии. Об этом подробно написал В.Н.Сойфер в своей статье (Огонек. 1988. № 1-2) и в книге "Власть и наука", опубликованной в Америке.

Вопрос. Существует версия, что и Андрей Александрович Жданов положительно относился к генетике, поддерживал Н.И.Вавилова. В книге Д.Жоравского написано, что еще до войны по его инициативе была создана комиссия по проверке законов Менделя, в частности классического расщепления 3:1.

Ответ. О такой комиссии я ничего не знаю, но с А.А.Ждановым действительно все обстоит непросто. Мы не знаем, отчего он так скорострительно скончался вскоре после сессии ВАСХНИЛ. Есть недостаточно проверенные сведения, что Жданов тяжело переживал публичное покаяние своего сына, его признание в идеологической близорукости, сказавшейся в поддержке генетики. А.А.Жданов, видимо, понял, что в этой истории он сильно проигрывает в глазах Сталина в своем тогдашнем противостоянии Л.П.Берии и Г.М.Маленкову. Сам факт организации этой сессии помимо отца и сына Ждановых свидетельствовал о выражении недоверия к ним Сталина. Все это могло способствовать инфаркту, от которого Жданов скончался.

Вопрос. На вечере, посвященном памяти репрессированных генетиков, Вы назвали малоизвестную фамилию И.Б.Паншина, охарактеризовав его как одного из наиболее блестящих теоретиков генетики. За что он был репрессирован после войны?

Ответ. Паншин еще до войны выступил с рядом прекрасных докладов, основанных на очень тонких генетических экспериментах. Эти работы по существу предвосхищали многие современные идеи геномной инженерии и непостоянства

генома, так как в них осуществлялись сложные перестройки хромосом и показано было изменение проявления генов в результате синтеза новых генных и хромосомных комбинаций. Работал он в лаборатории Дубинина. Осенью 1941 года Паншин попал в окружение на Западном фронте, был взят в плен и увезен в Германию. Н.В.Тимофеев-Ресовский вызволил его из неволи и устроил на работу в своем институте. Здесь он и был арестован после прихода Советской Армии, отправлен в СССР и сослан в северные лагеря. После освобождения Паншин поселился в Воркуте и до конца своих дней к генетике не вернулся.

Вопрос. Сотрудничал ли знаменитый американский генетик, впоследствии Нобелевский лауреат Г.Меллер с ИЭБом после своего переезда в Москву вместе с Институтом генетики?

Ответ. Постоянного сотрудничества не было. В 1937 году после декабрьской сессии ВАСХНИЛ (в 1936 году) Г.Меллер уехал из СССР. На его проводах я не был, но я присутствовал на прощальном вечере К.Оффермана, аргентинского генетика-антифашиста, также приглашенного в свое время Вавиловым в Институт генетики и вынужденного теперь покинуть нашу страну. Офферман, не стесняясь, плакал, не хотел уезжать из СССР. Но, видимо, Вавилов его предупредил, что оставаться нельзя, опасно.

Вопрос. Какую роль И.В.Курчатов сыграл в спасении Н.В.Тимофеева-Ресовского?

Ответ. После ареста Тимофеева-Ресовского его разыскивали по двум каналам. С одной стороны, этим занималось Министерство внутренних дел, с другой — учреждения, занимавшиеся атомным проектом, которым руководил И.В.Курчатов. Когда его нашли в лагерях и поставили на ноги, он стал работать в системе, возглавляемой Курчатовым, над проблемой накопления радиоактивных изотопов в организмах животных и растений. После 1948 года это была единственная генетическая лаборатория у нас в стране, но о ее наличии никто тогда не знал. О том, что Тимофеев-Ресовский жив и находится в СССР, мы узнали только в 1953 году. Курчатов в середине 50-х годов организовал у себя в институте в Москве специальную лабораторию по радиационной генетике, ее руководителем стал талантливый ученый Р.Б.Хейсин. И в этом громадная заслуга Курчатова перед отечественной биологией.

Вопрос. Репрессии 30-х годов затронули не только генетиков. По своей основной специальности Ёы специалист по генетике и селекции рыб. Кто был репрессирован среди ихтиологов?

Ответ. Всех назвать очень трудно, это можно будет сделать после проведения специального исследования. Надо отметить, что репрессии среди ихтиологов начались гораздо раньше, чем среди генетиков. Одним из репрессированных уже в конце 20-х годов и умерших в тюрьме был М.С.Алексин, который руководил всеми рыбными промыслами на Дальнем Востоке. Было сфабриковано дело о якобы готовящемся создании Дальневосточной республики, где Алексину предназначался пост одного из министров. Среди репрессированных в разные годы были П.Ю.Шмидт, А.И.Березовский, Г.У.Линдберг, М.Ю.Фортунатов, Т.Б.Берлянд и другие. К сожалению, в публикациях последних лет обычно фигурируют фамилии одних и тех же репрессированных. Это не позволяет представить подлинные масштабы ущерба, нанесенного нашей науке.

Вопрос. Сказалось ли как-нибудь на развитии ихтиологии доминирующее положение школы Г.В.Никольского?

Ответ. Никольский был очень крупным ихтиологом, профессором МГУ, но после 1948 года встал на позиции лысенкоизма и придерживался их до конца своих дней. Думаю, что сделано это было отнюдь не по научным соображениям. Мои попытки в личном разговоре с ним выяснить причину активной поддержки им Лысенко и дружбы с Презентом ни к чему не привели. Он ссылался на право ученого исповедовать любые взгляды. Бесспорно, Г.В.Никольский и его друзья и последователи Б.Г.Иоганзен, Н.В.Лебедев, Г.Д.Поляков и другие принесли большой вред ихтиологии. Именно поэтому я протестовал против попыток избрать

Никольского академиком. Надеюсь, что мое письмо к Общему собранию Академии наук сыграло определенную роль в его избрании.

Вопрос. Сейчас идут споры, кем же был Лысенко. Фанатиком? Убеденным обманщиком и карьеристом? Слепым орудием в руках Презента?

Ответ. Хотя многие считают Лысенко просто не порядочным человеком, следует учитывать, что у больных паранойей не порядочность может соединяться с фанатизмом. Я признаю правомочность обвинения его в обмане, хитрости, нечестности, карьеризме, но все это сочеталось явно с болезненным мироощущением. Это доказывает, в частности, его беседа с молодыми биологами, которая состоялась в 1966 году в Москве после учредительного съезда Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова и о которой мне рассказал участник этой встречи Л.В.Богданов. Это было уже после снятия Лысенко со всех постов, и никто его не заставлял повторять старые небылицы о превращении ели в сосну, пеночки в кукушку и так далее. Но он продолжал настаивать на этом, хотя мог спокойно признать свои ошибки. В конце разговора он вдруг сказал: "Меня обвиняют в убийстве Вавилова. Я не убивал Вавилова! Я не убивал Вавилова!" И начал кричать, все больше и больше повышая голос. Это показывает, что, будучи параноиком и совершая нечестные поступки, он вместе с тем хотел оправдать себя. Истощенный крик является косвенным признанием вины. Он действительно прямо не убивал Вавилова и даже не подписал ни одного доноса на него. Но ему этого и не надо было делать. В 30-е годы Лысенко неоднократно публично называл Вавилова среди тех, кто мешает ему внедрять научные результаты в практику социалистического строительства и является по существу вредителем. Будучи председателем Совета Союза, Лысенко свои обвинения произносил в присутствии Сталина, что следует оценить как прямой донос. Кроме того, ближайшие сотрудники Лысенко писали доносы на Вавилова, составляли заключения о его вредительской деятельности, лжесвидетельствовали. Обо всем этом Лысенко не только прекрасно знал, но и назначил экспертную комиссию по делу Вавилова. И он не мог не понимать, что такие обвинения неизбежно приведут к аресту и осуждению Вавилова.

Что касается Презента, то это просто был жулик, человек без каких-либо убеждений, жесткий и беспринципный карьерист. Он активно поддерживал Лысенко, помогал созданию антинаучной бредовой теории "генетики без генетики" (так называемого мичуринского учения), и это Лысенко было, безусловно, приятно.

Вопрос. Как непосредственно на Вас отразилась августовская сессия ВАСХНИЛ?

Ответ. Я тогда работал в ГосНИОРХе и по совместительству в Зоологическом институте АН СССР. Соответственно на мою долю досталось участие в двух общественных судилищах. Первое состоялось на заседании ученого совета Зоологического института, где после многих обвинительных выступлений меня принесли в жертву и выгнали. Особенно тяжело я переживал речи моих бывших друзей, в частности тогдашнего секретаря парторганизации института, выходца из очень интеллигентной семьи, крупного ученого. Он честил меня самыми неслестными эпитетами. Не хочу называть его фамилию — он давно уже умер, как и многие другие обвинители.

Второй ученый совет, посвященный "проработке менделиста-морганиста" Кирпичникова, состоялся в ГосНИОРХе и собрал множество научных работников. На нем присутствовал симпатизировавший мне А.С.Богданов, директор Московского института рыбного хозяйства и океанографии, присланный Министерством рыбного хозяйства специально для осуждения Кирпичникова. Он выбрал остроумную тактику, заявив с самого начала, что осуждать надо не только меня: все мы, сотрудники института, все ихтиологи должны покаяться, ибо мы недооценили влияние внешней среды на организм и наследственность, не понимали сущность мичуринского учения. Накануне заседания Богданов пришел ко мне домой и уговаривал меня признаться хотя бы в какой-нибудь методологической ошибке.

И я смалодушничал, сказал в своей речи, что я не уделял достаточного внимания влиянию внешней среды на наследственность. Это было, конечно, неправдой: всю свою жизнь я глубоко интересовался проблемой модификаций, возникавших непосредственно под влиянием временных факторов, и их ролью в эволюции. Признание в ошибке меня спасло от изгнания: я был оставлен в институте, но с категорическим запрещением впредь заниматься генетикой. Я должен был целиком перейти на рыбоводство.

Вопрос. А когда Вы вернулись к исследованиям по генетике?

Ответ. Юридически я занимался рыбоводством, но фактически продолжал селекционно-генетические исследования. Еще до сессии ВАСХНИЛ, весной 1948 года, я перевез самолетом на северо-запад селекционный материал (производитель карпа) из Горьковской области и организовал работы по разведению и селекции новой зимостойкой породной группы — ропшинского карпа. С этой целью я использовал гибридов между зимостойчивым амурским сазаном и галицийским карпом. В 1954 году завкафедрой гидробиологии и ихтиологии ЛГУ профессор Н.Л.Гербильский пригласил меня читать курс лекций по акклиматизации рыб, в который я сразу же включил раздел, посвященный генетическим законам. Постепенно этот раздел расширялся — и курс становился все более и более генетическим. Это было еще в период запрета генетики. Читал я подпольно курс генетики и на дому, для группы молодых биологов, воспитанных на лысенковских бреднях.

Вопрос. В историю генетики вошла Ваша статья, написанная в соавторстве с Жоресом Медведевым и напечатанная в 1963 году в журнале "Нева". Эта статья вызвала буквально переполох в официальных кругах, считавших генетику "продажной девкой империализма". Что побудило Вас в столь неблагоприятное время выступить в защиту генетики?

Ответ. Начиная с 1954 года я не раз обращался с письмом в защиту генетики к Н.С.Хрущеву, к тогдашнему президенту АН СССР А.Н.Несмеянову и другим ответственным лицам. Вместе с другими генетиками готовились и коллективные письма. Зная о хороших отношениях Хрущева с М.А.Шолоховым, я пытался вовлечь и последнего в борьбу за генетику. С этой целью я послал Шолохову письмо с просьбой помочь организовать встречу Хрущева с известными селекционерами: Я.Л.Глембоцким, М.И.Хаджиновым, Ф.Х.Бахтеевым и другими. Только через полтора года пришла ответная телеграмма, в которой говорилось: "Если Вы помните содержание Вашего письма от такого-то числа, сообщите согласие действию". Я сразу же отправил телеграмму по указанному Шолоховым адресу, но, видимо, никакого "действия" не последовало, вряд ли Шолохов пытался поговорить на эту тему с Хрущевым. В те годы я явно переоценивал гражданственность Шолохова.

Учитывая поразительные успехи, которых достигла в это время генетика за рубежом, я понял, что надо попытаться обратиться за поддержкой к широкой общественности. В конце 1962 года ко мне пришел Ж.А.Медведев и принес набросок статьи о генетике для какого-либо "толстого" журнала. Моя жена, Л.М.Алексина, загорелась желанием помочь нам в публикации этой статьи. Она работала на кафедре литературы в Институте культуры, завкафедрой был А.И.Хватов, один из редакторов журнала "Нева". Главным редактором этого журнала был С.А.Воронин. После их предварительного согласия мы вместе с Ж.А.Медведевым переработали статью для журнала, и вскоре она была напечатана. Резонанс на эту публикацию был огромным: посыпались письма, в основном с поддержкой и одобрением, хотя в двух или трех письмах были и критические замечания. Эта статья вызвала большой гнев Хрущева. На нашу статью его внимание обратил Броз Тито во время визита Хрущева в Югославию. Броз Тито сам симпатизировал лысенкоизму и, желая уязвить Хрущева, вероятно, сказал, что поклонники вейсманизма-морганизма слишком вольготно чувствуют себя в СССР. Хрущев разгневался. Тут же, по прямому проводу, в Белград был вызван

первый секретарь Ленинградского обкома КПСС В.С.Толстикова, и ему, по словам Хватова, была дана серьезная взбучка. Вернувшись в Ленинград, Толстикова немедленно вызвал Воронина и Хватова в обком и приказал "навести порядок в редакции и опубликовать опровержение". Порядок был наведен: из редакции уволили девять человек (не только не причастных к этой публикации, но и ничего не знавших о статье, например поэт С.С.Орлов). По моей просьбе состоялась беседа с Хватовым один на один, во время которой я пытался как-то защитить ни в чем не повинных людей. В ответ Хватов откровенно заметил, что они с Ворониным воспользовались указанием Толстикова, чтобы убрать из редакции лично им неугодных членов редколлегии.

Появились тогда и ругательные статьи в "Правде", "Сельской жизни" и других изданиях. "Нева" напечатала передовую с извинениями за ошибочную публикацию: редакторов, мол, ввели в заблуждение авторы статьи. После появления всех этих осуждающих нас "откликов" состоялась еще одна, уже последняя в истории генетики общественная "проработка" защитников генетики (в 1964 году). Академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР Б.Е.Быховский в ходе заседания заявил, помахивая иностранным журналом со статьей известного американского историка науки и публициста Д.Жоравского: "Вы только посмотрите, что они там пишут, на Западе. Они уверяют, что в Советском Союзе образовались два лагеря в биологии. Один лагерь — это Академия наук, начавшая признавать современную морганистскую генетику, а другой лагерь состоит из партийных бюрократов, поддерживающих Лысенко!".

Обстановка в мировой генетике к началу 1964 года резко изменилась, сказывались революционные открытия: были расшифрованы генетический код и механизм синтеза белков, совершенно преобразилась вся биология. На заседании ученого совета выступили в нашу защиту несколько крупных ученых, и среди них Ю.М.Оленов, В.Я.Александров, А.С.Трошин. Обвинители, молодые ленинградские философы, чувствовали себя весьма неуютно. И приговор в результате оказался мягким: "Виновны, но заслуживают снисхождения".

Вскоре состоялся октябрьский Пленум ЦК КПСС (в 1964 году), на котором Хрущев был снят, и сразу же официальные гонения на генетику прекратились. Необходимо, однако, отметить, что возрождение генетики шло чрезвычайно медленно и до сих пор она продолжает оставаться в жалком положении. Наше отставание от западных стран и Японии оказалось очень большим; по ряду разделов оно и сейчас продолжает увеличиваться. Но это должно быть предметом особого разговора.